

Невольник чести

I

Дождь обрушился на лес ночью. Хотелось высказать извозчику все, что накопело за эту поездку, но уже охватывал жар. Жорж прикладывал ко лбу ледяные ладони и пытался сохранить сознание. Вот и выбирай после этого: нищенствовать во Франции или пробираться сквозь этот ужасный холод в русскую столицу.

– Месье, до Петербурга еще далеко, лучше переждать бурю, – немного обернувшись, сказал извозчик. Жорж бросился вперед, чтобы хорошенько ударить этого бездаря, но задохнулся от кашля...

... – Месье, вы меня слышите? – сквозь вакуум болезни едва расслышал француз. Он приоткрыл глаза и понял, что уже лежит на кровати в здании. Жорж отмахнулся от врача, как от назойливой мухи, и привстал на локтях. Голова ужасно гудела, и жар ещё не спал, но юноше нужно было как можно скорее приехать в Петербург. Ему не терпелось начать новую жизнь. Однако нотации доктора все портили:

– Лежите, мой дорогой! Или, как это по-вашему, *allongez-vous, moncher*. Поберегите себя, вы молодой, быстро встанете на ноги.

Жорж назло русскому врачу поднялся с кровати и быстрыми шагами вышел из комнаты. Тут же юноша с кем-то столкнулся в коридоре.

– Тихо, тихо? Что за спешка? – прогремел голос над Жоржем. По акценту юноша мог предположить, что это, может, англичанин, может, голландец. Богато одетый мужчина на вид был вдвое старше Жоржа. Он угрюмо смотрел на француза сверху вниз и вдруг смягчился. – О, да вы больны!

– Разве? – вызывающе вскинул голову юноша, стряхнув со лба вьющийся локон. И хотя что-то в голосе мужчины действительно тронуло Жоржа, он не желал сейчас заводить друзей. Еще подумают, что Жорж слабый и болезненный – легкая добыча. Не бывать! Хотя... Даже родители не разговаривали с юношей с таким участием.

...Француз остался в гостинице на несколько дней. Они по необъяснимой причине сблизились с этим иностранцем, Луи Геккереном, который оказался посланником нидерландского двора (Жорж так и думал – голландец!). Утром юноша с Геккереном вышли на веранду гостиницы.

– Отменная погода! – по-французски воскликнул посланник и засмеялся. Юноша хмыкнул и облокотился на перила. – Когда поедем в Петербург?

– Видите, – Жорж обвел глазами гостиный двор, – солнце, весна – отчего бы не отправиться сейчас же?

Француз кивнул сам себе и направился к двери, чтобы приказать собрать его вещи, как вдруг Геккерен спросил:

– Месье Жорж, так кто же вы?

Жорж очаровательно улыбнулся проходящим мимо русским дворяночкам и непринужденно ответил, театрально поклонившись:

– Жорж Шарль Дантес.

II

Жестокий ветер ворвался в комнату, распахнув окно и сбив стоявшую на подоконнике вазу. Фарфор со звоном разлетелся в разные стороны, сопровождаемый тяжелыми вдохами и женским плачем из соседней комнаты. Слуга поспешно захлопнул окно, вопросительно посмотрев на Константина Данзаса: как больной? Данзас недовольно махнул рукой и вскоре остался один на один с мыслями.

Мерно тикали часы, по капле вытягивая жизнь поэта из слабой хватки врачей и родных. Зима зло заметала улочки Петербурга, залетая в дома и сбивая всех с толку: что? Что произошло? Если не сегодня ночью, то завтра точно весь город будет знать ужасную новость.

Тик. Так. Уже далеко за полночь, но дом не спит. Наталье Николаевне дали успокоительное и велели уйти к детям. Другие были в замешательстве: никто не мог уснуть, но и помочь тоже не могли. Оставалось только ждать приезда Арендта – удивительного врача, на которого все рассчитывали. Все твердили: вот приедет господин Арендт и все сделает, все!..

Константин вышел на веранду. Морозный воздух ударил в лицо, так что у офицера перехватило дыхание. Догнать француза? Смысла нет, ведь когда император узнает о произошедшем, то сам выдворит его из России. Что же делать? Просто сидеть сложа руки Данзас не мог: либо поезжать куда-нибудь, либо стрелять. Крики больного продолжались всю ночь...

III

– Опий! Скорее, дайте опий! – вдруг крикнул Арендт, и ему подали капли и стакан. Придерживая голову больного, врач помог ему проглотить жидкость.

С того момента, как доктор Арендт приехал сюда, появилась надежда, что Александр выживет. Правда, лишь немногие замечали хмурый взгляд опытного врача,

качание головой, бормотание и вздохи. После опия больной действительно немного успокоился. Все со страхом наблюдали за Александром, как тот приподнимался, опираясь на плечо Арендта. Все боялись потревожить больного расспросами о самочувствии, поэтому молча стояли, переминаясь с ноги на ногу.

Александр сдвинул голову руками и зажмурился. Кто-то сделал несколько шагов к его кровати, но больной слабо замахал руками:

– Выйдите... выйдите все. Доктор, мне надо поговорить с вами.

Друзья и знакомые по-прежнему не шевелились и покинули комнату, только после того, как Арендт повторил просьбу Александра. Оставшись одни, они внимательно посмотрели друг на друга.

– Не спрашивайте... – вперед вопроса бросил больной. Александр тяжело оперся на деревянное лакированное изголовье кровати и тряхнул головой. Врач молча следил за ним, догадываясь, что сейчас спросит больной.

Александр посмотрел на доктора, и Арендт замер. Боже, какие глаза! Две голубые бездны, куда падали все, кто хоть раз видел эти глаза. Где их прежняя живость? Неужели осталась там, на снегу под Петербургом? Глаза не узнать: тусклые, потемневшие...

– Николай Федорович... – шепотом выдохнул Александр. Он был в здравом уме, но очень слаб. Доктор погладил больного по плечу, но внутренне напрягся. – Скажите мне, только откровенно, ладно?

– Я всегда с вами честен, дорогой поэт.

– Хорошо, – голос Александра стал тверже. Было видно, что слова ему давались с трудом, но он продолжал: – Скажите мне честно, сколько мне осталось? Не отвечайте сразу, дослушайте... – он задрожал, но четко договорил. – Мне надо знать, сколько у меня времени, чтобы успеть сделать нужные распоряжения.

– Если так... – Арендт запнулся, он ответил не сразу. Сначала пристально всматривался в бледное лицо поэта, потом все взвесил и мрачно произнес: – Я должен сказать, что рана ваша очень опасна. Простите, но я... не питаю себя иллюзиями. Как ни прискорбно, но я не надеюсь на ваше выздоровление...

IV

– Ха, ну Пушкин! Ну Александр! – засмеялся Константин Данзас, с выражением прочитав очередное стихотворение друга-поэта, при этом ни разу не улыбнувшись. Зато остальные друзья умирали со смеху: когда Данзас читал стихи, хохотали все. И не потому, что он плохо читал, но такая у него была манера: не слишком театральная, даже немного грубая, но такая забавная.

– Нет, я концовку писал с другой интонацией! – сквозь смех крикнул Пушкин. – Да, Костя, чтец из тебя тот еще!

Данзас приготовился по тридцатому кругу читать «К***», но пришла почта. Все стали разбирать письма, Александр лениво махнул рукой и остался в кресле, вытянув ноги на табурет. Вдруг Данзас замер с очередной запиской в руках.

– Что там? – спросил Пушкин, отчего-то тревожась.

– Это тебе от анонима... – Константин протянул другу письмо. Остальные переглянулись и подошли ближе. Александр раскрыл записку и зачитал: «*Патент на звание рогоносца*».

... В комнате поднялся гвалт. Рогоносец – это оскорбительное «звание» мужа, жена которого ему изменяет. В чистоте красавицы Натальи, которую обожал весь Петербург, невозможно было усомниться. Со всех сторон посыпались догадки, кто мог написать это письмо, а у Пушкина все не выходил из головы этот поручик-француз из Кавалергардского полка. Уж больно часто он стал в последнее время мелькать в жизни поэта. А этот взгляд? Как он всегда учтиво обходится с красивыми барышнями Петербурга! Наталья Николаевна – первая красавица города, если не целой России. Ясное дело, каждый желал ее внимания. А уж такой дамский угодник – первый! Он был моложе Пушкина, что сближало его с Натальей еще больше...

Дантес, Дантес, Дантес... Это он, точно он. Почему? У Александра не было прямых доказательств. Да они и не нужны, и так все ясно: этот офицер, или кто он там, бросил поэту вызов. Пушкин это так просто не оставит. Он уже все решил. Вызов принят.

V

Луи Геккерен работал у себя в кабинете, в тот момент, когда ему занесли очередное письмо. Нидерландский посланник взглянул на записку и нахмурился: от Пушкина. Все никак не привыкнет к замужеству свояченицы Екатерины? Не то что бы Луи с Александром когда-либо общались перепиской, ну пускай. Геккерен с интересом открыл письмо и прочитал первые несколько строк...

– Да как он смеет! – воскликнул посланник. Он несколько раз перечитал записку, прежде чем через слуг позвал к себе приемного сына.

– Что-то случилось? – вскинул брови Жорж, увидев Геккерена в ярости.

– Твой Пушкин!.. А я говорил, не связывайся с этим поэтом! Ты бы знал, что мы теперь должны терпеть от этого нахала!

Дантес пробежался глазами по письму и хмыкнул: Александр, как истинный литератор, искусно высказал обоим Геккеренам все, что думает об их семье, о

вынужденном родстве с ними из-за свадьбы Жоржа с сестрой Натальи Екатериной Гончаровой. И, конечно, заявил, что не желает иметь с ними ничего общего.

– Я этого так не оставлю!– посланник вскочил из-за стола и грозно зашагал по кабинету. – Пусть знает, что нельзя оскорблять людей налево и направо! Записывай!

Испуганный слуга бросился к столу и занес перо над бумагой.

– От моего имени, посланника нидерландского двора Луи Геккерена, Жорж Шарль Геккерен-Дантес бросает вызов вам, Александр Сергеевич Пушкин...

Дантес вольготно расположился на диване и стал с удовольствием слушать приемного отца. Но с каждым новым словом, которые Геккерен диктовал с таким ожесточением, Жорж мрачнел. Первый раз Пушкин сам вызвал его на дуэль, но Дантесу удалось выйти из воды сухим: Екатерина, сестра Натальи, согласилась выйти за француза замуж. О, как легко обмануть женщину! Как же легко завоевать ее доверие, доказать верность и любовь. Достаточно быть знатоком женских душ и красавцем. Да, Катерина спасла жениха от дуэли, ну а сейчас? Учитывая, как разозлился Луи, он предложит смертельные условия. Значит, нельзя промахнуться. Нельзя промедлить. Нельзя бояться! Нельзя умереть...

Слуга не успевал за посланником, но Геккерен вспомнил о главной цели письма:

– Подпиши еще: «Ввиду тяжести оскорбления поединок должен состояться в кратчайший срок. Условия дуэли будут присланы позже с моей стороны...»

VI

Пушкин ходил взад-вперед, ломая руки от раздражения. Условия дуэли должны были прийти еще в полдень, но почему-то произошла задержка.

– Наталья знает? – раздался из прохода тихий грубоватый голос Данзаса. Александр резко обернулся и метнулся к другу:

– Тише! – Пушкин схватил его за плечи и провел в глубь комнаты. – Не надо ей говорить...

– А что ты ей скажешь, если тебя ранят? – Константин отпрянул и серьезно посмотрел на поэта. Александр пожал плечами и гордо вскинул голову.

– Не в первый раз...

– Не рассчитывай на свою удачливость, – Данзас прошел к креслу и плюхнулся в него, закинув ногу на ногу. Он схватил со столика газету и стал ее безжалостно листать. Пушкину всегда было забавно наблюдать, как друг, не жалея себя, волновался за его жизнь. Константин все не унимался, и Александр со вздохом присел перед Данзасом на корточки.

– Я такого оскорбления не потерплю. И дело не только во мне. Честь нашей семьи задета! – он с чувством всплеснул руками. – Я говорил Екатерине не вестись на его французские уловки, но нет! Он женился на сестре моей жены. Решил породниться со мной! А сам продолжал волочиться за Натальей!

Пушкин встал с пола и зашагал по кабинету. Константин в отчаянии наблюдал за поэтом. Голубые прекрасные глаза Александра загорались все ярче. Казалось, дай ему волю, он тотчас приехал бы к Жоржу Дантесу и застрелил его.

– Ты слышал, что говорят в высшем свете? Эта свадьба дала почву злым слухам. Я не позволю Дантесу так распоряжаться моей жизнью и честью.

– Остынь, друг...

– А ты не говори Наталье, – Александр скрылся за тяжелыми дверями, оставив Константина одного. Да, просить Пушкина «остыть» бесполезно. Он как юла. Кружится, уворачивается. Но ведь и юла не вечно вертится?

VII

Даль перевел дыхание и вытер пот со лба. Прошел уже день, но ни лед, ни смягчительные припарки, ни какие-либо лечебные растворы не давали значительного эффекта. Да, больной перестал кричать во сне и даже стал немного лучше выглядеть, но эти мертвенно бледные руки! Эти потухшие голубые глаза! Врач вышел на улицу в беседку, стряхнул с лавки нападавший за ночь снег и вздохнул. Подумать бы о других методах лечения, но, кажется, бесполезно. В измятой исписанной книжке появилась новая запись:

«Пульс крайне мал, слаб и част...»

...Константин сидел у кровати больного с утра. Иногда помогал проходящим докторам, в остальное время друзья молчали. Да и о чем говорить? Особенно когда у несчастного вновь вспыхивала боль в животе. Данзас хмурился и отворачивался, заслышав стоны. Он ведь мог отговорить друга! Мог! Хотя... если поэта куда-то заносило, то с головой. Это все равно не снимает с Константина ответственность за его жизнь.

– Данзас... Костя... – послышался еле ощутимый шепот в мертвой тишине. Константин с испугом и волнением обернулся и нагнулся к другу.

«Он выживет!» – думал Данзас, разглядывая уставшее серое лицо, озаренное полосками солнца. Александр вдруг схватил слабой рукой друга за предплечье и потянул к себе.

– Данзас... – выдохнул больной и закрыл глаза. Константин испугался, что настал смертный час, но поэт пришел в себя и продолжил. – Данзас, Костя, милый... я не могу... я не могу...

– Что ты не можешь? – жалобно-ласково прошептал Константин.

– Я не могу... я не хочу... уходить...

По спине пробежали мурашки. Выступил холодный пот. Все, что Данзас пытался внушить себе пару минут назад, разбилось вдребезги.

– Ну что ты, друг мой, – начал было Константин, но Александр перебил его:

– Нет, ты не понимаешь! Это ни на что не похоже... я не знаю, что делать, я в растерянности, я!.. – у него сорвался голос. – Я боюсь...

– Не бойся. Говорят, это как сон, – невнятно проговорил Данзас, глядя в пустоту.

...Тик. Так. Оторвав взгляд от стены, Константин повернул голову и вздрогнул. Александр немигающими пустыми глазами смотрел, как идут часы.

Шесть утра. Вдалеке от Петербурга, где-нибудь на юге, а может, в других странах солнце уже коснулось земли. Но не здесь. Загипнотизированный лунным светом ледяной город застыл.

VIII

Боль стала невыносимой. У поэта не осталось сил, чтобы кричать, звать и без того не отлучающихся от кровати врачей... у него не осталось сил, чтобы сопротивляться, но грудь сдавливало все сильнее. Внутри все содрогалось от малейшего движения и прикосновения. Опустошенный после бессонной ночи, Александр мечтал заглушить эту боль хоть на пару минут, но та не отпускала. И что бы он ни делал – малейшее перемещение вызывало боль. Но даже если не шевелиться, задержать дыхание, сжать зубами край одеяла – она по-прежнему вгрызается в тело и ум. Бесконечный круговорот безысходности и бессилия убивали.

Доктора заменили на животе лед и вышли, чтобы переговорить с глазу на глаз. Пушкин не то стонал, не то плакал. Невыносимо... этому должен быть предел... ничто не длится вечно... это закончится, да, это пройдет... нужно потерпеть... хотя бы чуть-чуть ослабить... это невозможно, это выше человеческих сил!..

В комнату еле слышно зашел слуга, чтобы не потревожить господина. Александр невнятно позвал вошедшего и что-то прошептал. Лицо слуги окаменело...

– Что он хочет? – в ужасе переспросил Данзас, сжав воротник бедного слуги.

– Изволил получить ящик с пистолетами, господин...

– Где?!

– Под одеялом, верно, спрятал...

Константин выпустил бедолагу и пулей вылетел из зала. Его удивленно и испуганно провожали взгляды, но на вопросы отвечать не было времени. «Это моя вина,

надо было его отговорить! – думал Данзас, перепрыгивая через три ступени за раз. – Это все из-за меня!..»

Данзас ворвался в безмолвную комнату: больной вздрогнул и сжался. Константин, не медля, бросился к кровати, перерыл одеяло и вытащил пистолет. Данзас с минуту разглядывал то оружие, то поэта. Александр в отчаянии посмотрел на друга, но тот со злостью выкрикнул:

– Даже не думай!

Он быстрыми шагами вышел из комнаты, чтобы только не видеть этот безумный потухший взгляд. Как ему сейчас тяжело... Представить страшно... Никто не выдержал бы столько времени...

– Нет! Не-е-ет... – взвыл больной так, что услышали на другом этаже.

IX

– Вы будете стоять на расстоянии двадцати шагов друг от друга, барьер – десять шагов... – Данзас вслух перечитывал письмо от Луи Геккерена, пока Пушкин надевал шинель. – Стрелять можно с любого расстояния на пути к барьеру...

– Превосходно, – безучастно бросил Александр, выходя на улицу. Данзас увидел в выражении лица поэта легкое волнение, не более.

Карета слабо скрипнула и заскользила по ледяному Петербургу. Ехали молча, напряженно думая каждый о своем. Пушкин провожал взглядом мелькавшие дома и парки. Нет, он не чувствовал страха. Им двигало иное чувство, отчего ладони нетерпеливо тянулись к футляру с пистолетом. Поэт прокручивал события последних дней, пытаясь собрать их в единую картину. Да, из-за таких жестких условий не может быть иначе: один из них сегодня умрет. Вопрос: кто?

Снег спрятал Петербург, только карета выехала к окраинам города. Метель и облака смешались в один бесконечно белый пейзаж, ослепляющий и холодящий душу. Близился перелесок. Александр украдкой взглянул на своего секунданта и лицейского друга Константина Данзаса. Тот угрюмо сверлил глазами кресло напротив него. Карета покачивалась, подпрыгивала на кочках, протискивалась меж больших сугробов. Февраль сурово встречал петербуржцев. Неподалеку стоял комендантский дом, но все надеялись, что дуэль останется тайной. Черная речка пряталась под толстым слоем льда, испуганно выглядывая из-за редких деревьев.

Карета остановилась. Пушкин и Данзас на секунду поймали взгляды друг друга. Одинаково напряженные и задумчивые. Константин видел на берегу двух людей в черных шинелях. Пора.

Александр вышел первый и сразу направился навстречу противнику. Дойдя до них, Пушкин оценивающе обвел взглядом французов. Дантес с надменной ухмылкой приподнял краешек шляпы.

Александр ответил на ухмылку француза не менее красноречивым взглядом, но был в целом спокоен. Кто этот молодой офицер перед великим авантюристом, который никогда не засыпал в Пушкине? Сейчас дуэль, может, и кажется Дантесу простой игрой, но что он скажет, когда поймает пулю? Что бы Константин ни говорил, но поэт был минимум на десяток лет старше французского поручика. Это большое преимущество.

– Прошу, – аж на тон ниже процедил Дантес. Он быстро изменился в лице и махнул рукой в сторону берега.

Четверо приблизились к реке и приготовились. Шинели бросили на снег как границы барьера. Секунданты подали дуэлянтам пистолеты. Д'Аршиак, секундант Дантеса, обхватил его одной рукой за шею, притянул к себе и стал что-то нашептывать. Данзас придержал друга за рукав и поднял на него глаза. «Не надо. Уйди. Оставь», – говорил взгляд Константина. Это не было похоже на простое предостережение перед серьезным событием, это не было страхом перед одним только упоминанием чьей-то смерти. Глаза не кричали, не умоляли отступить, когда выстрелы уже почти прогремели... Пушкин на секунду усомнился в необходимости дуэли, но опустил голову и отшагнул. Данзас еле слышно вздохнул.

Рот выдыхал белый пар, заметный даже днем. Александр не чувствовал холода из-за прилива адреналина. Первый раз Дантеса пронесло: он женился на Екатерине, тем самым избежав вызова на дуэль. Теперь другого решения не было. Пора расходиться.

Двадцать шагов. Барьер – десять. Небо исчерпало запасы снега, но не прояснилось. Сама природа замерла. Дуэлянты обернулись друг к другу и подняли пистолеты. На белом фоне отчетливо видны и шинели, и черные силуэты людей.

Дантес, не дойдя одного шага до барьера, выстрелил. Александр вздрогнул и выдохнул. Поэт потянулся к обожженному животу и упал. Данзас, издав хриплый звук – что-то между воплем и рыком, – бросился к поэту. Сюда же метнулся и секундант д'Аршиак. Дантес быстрыми шагами направился к раненому, но Пушкин сдавленно крикнул:

– Я в силах стрелять!

Француз замер, задумался, но отошел к барьеру. Константин, придерживая друга одной рукой, пытался отыскать оружие Пушкина, но его поглотил снег. Данзас протянул Александру свой пистолет, и д'Аршиак возмущенно вскрикнул:

– Нельзя менять пистолет во время дуэли!

– А ты видишь прежнее оружие? – в таком же тоне ответил Константин, как вдруг послышался тихий повелительный голос Дантеса:

– Оливье, оставь. Лучше поддержи Пушкина, чтобы тот не упал.

Александр часто дышал, но воздух все больше ускользал от него. Опершись на левую руку, он неровно поднял правую с пистолетом Данзаса. Жорж переступил с ноги на ногу и взялся одной рукой за жилет между второй и третьей пуговицей. Не в силах больше терпеть нарастающую боль в животе, Пушкин выстрелил.

Секунданты вздрогнули. Дантес побледнел, но не упал. Кровь брызнула на уровне груди – последнее, что увидел Александр, прежде чем впасть в забытие.

– Кажется, я ранен в грудь... – прошептал француз, еще не отойдя от потрясения.

Х

Данзас вместе с д'Аршиаком несли тело раненого на его же шинели до дома коменданта. Константин шел впереди, француз пыхтел позади. Сейчас не время разбираться, кто был другом, кто – врагом. Данзаса еще перед дуэлью мучило нехорошее предчувствие, а теперь, когда за ними по белоснежному полю тянулась кровавая полоса, единственной целью было как можно скорее довезти Пушкина до дома в Петербурге.

Неизвестно точно, что спасло Жоржа от смерти, но француз ошибся: пуля не ударила его в грудь, а лишь ранила левую руку и, возможно, продавила два ребра. Дантес, волоча за собой простреленную руку, махнул секундантам головой. У комендантского дома их ожидала карета, присланная Луи Геккереном. Александра осторожно посадили, прислонив к двери, Данзас взял друга за руку – тот моментально сжал ее.

– Скорее! – крикнул Константин срывающимся голосом.

Карета тронулась. Но уже через десять минут Пушкин вышел из забытия и отрывисто застонал от боли. Он согнулся пополам, впившись в холодную ладонь Данзаса. После очередной кочки все внутри кареты подпрыгнуло. Александр резко выдохнул и чуть не упал с сиденья. Константин приказал извозчику ехать медленнее.

...Когда карета остановилась напротив дома Пушкина, уже совсем стемнело. Данзас позвал на помощь – из дома тут же выбежали несколько мужчин. Александра понесли на руках. Отовсюду доносились вздохи и сдавленные крики, шум, толкотня, возня. Кто-то уже посылал за врачами. Поэта уложили на кровать, и раненый попросил воды.

– Воды! Несите воды!

Весь дом вскочил на ноги. В комнате столпились люди, все спрашивали, что произошло, и передавали в другие комнаты ужасную весть – ранен в живот.

На минуту все, затаив дыхание, наблюдали, как Пушкин охотно пьет третий бокал ледяной воды. Но тишину нарушил вопль ужаса: в дверях, растрепанная, бледная, в одной ночной сорочке, стояла Наталья Николаевна. Она на ватных ногах приблизилась к мужу и упала на колени, закрыв лицо руками. Александр приподнялся и обхватил руками вздрагивающие голову и плечи.

– Не нужно... умоляю, не надо... – приговаривал он, касаясь холодными губами ее белых рук. Темно-русые кудри разметались по кровати. Часы пробили девятнадцать раз. Жалкие попытки Натальи выдавить хоть слово пресекались стонами и плачем.

– Иди, моя милая, иди, – Пушкин не знал, куда деться: он не мог видеть душевные муки жены. – Я обязательно позову за тобой, но ты иди, иди... иди...

Наталье Николаевне помогли подняться с пола. Она стояла перед кроватью, пораженная и обездвиженная. Данзас подхватил ослабевшую Наталью и повел к дверям. Она еще несколько раз бессознательно обернулась на мужа.

XI

– Принесите морошки, раз он так просит, – глядя перед собой, велел Данзас. Пушкин также прибавил, чтобы послали за Натальей Николаевной.

Она вошла в комнату следом за вазочкой с ягодами. Бледная и хрупкая Наталья делала неровные шаги, придерживая платье по бокам. Она вопросительно осмотрела присутствующих, и тишину нарушил голос поэта:

– Наталья, какая ты прелесть!.. Не затруднит ли тебя покормить меня ягодами?

Наталья Николаевна громко выдохнула, с удивлением и слабой улыбкой посмотрев на мужа. Красавица взяла вазочку и ложку и присела к раненому. В голубых, некогда ярких глазах отразилось белое платье. Она забралась на кровать с ногами и положила голову мужа к себе на колени, чтобы ему было удобно есть.

Ложка за ложкой вазочка пустела. После каждого раза Пушкин с наслаждением приговаривал:

– Ах, как это хорошо!

– Что это с ним? – шепотом спросил Данзас у доктора Арендта.

– Болезненный припадок аппетита. Не оставлять же больного без радости? – Николай Федорович с грустной улыбкой посмотрел на Константина. Тот в ответ улыбнулся. Так иногда человек, уверяя другого в том, что у него все хорошо, сначала улыбается, но потом признается сам себе в истине и плачет.

– Как же хорошо...

Наталья Николаевна погладила мужа по голове и поцеловала в лоб. Она прошептала, что скоро вернется, и вышла. Как же живительно на нее подействовала

простая просьба, обычная ягода, серебряная ложка и эта близость, которой так не хватало в последнее время! Все, кто был в комнате, будто проснулись, вдохнули свежий воздух, прозрели...

Врачи, друзья и близкие поэта стояли у изголовья кровати и перешептывались. Кто-то повторил давно знакомую шутку, и все грустно посмеялись.

За Натальей закрылась дверь. Пушкин обвел потухающим взором шкапы своей библиотеки, чуть внятно прошептал: «Прощайте, прощайте», – и закрыл глаза. Навсегда.

...Наталья прибежала на шум. Она толкнула двери комнаты и вскрикнула от ужаса. Наталья бросилась к кровати и упала на колени.

– Пушкин, Пушкин, ты жив?

Густые темно-русые локоны разметались по плечам и спине красавицы, по одеялу и рукам Александра.

– Родимый, свет мой, проснись!

Точно пораженные громом, все стояли и молча смотрели, как Наталья рыдает, толкает мертвого, хватается за голову, в отчаянии протягивает руки.

– Да проснись же ты!..

Хрупкая стройная красавица содрогалась от рыданий. Она окинула комнату взглядом: из-за слез силуэты слились в глазах Натальи в огромное черное пятно. Даже солнце в эти минуты спряталось за тучами.

Василий Жуковский стоял подле умирающего. Когда сердце поэта остановилось навсегда, Жуковский остановил ход часов. Они вечно будут показывать два часа сорок пять минут пополудни.

XII

Холодный дождь хлестал в окна, заливал улицы Петербурга. Дантес стоял у окна и хмуро глядел на прохожих. Ливень напомнил о его приезде в Россию. Как давно это было! Жорж, тогда совсем юноша, заболел и остановился в гостинице, где познакомился с будущим приемным отцом Луи Геккереном. Странно и как-то быстро все получилось: усыновление, зачисление в Кавалергардский полк. Наталья, Екатерина, Пушкин – все пронеслось кубарем и все катится, катится... Дантес не останется в России. Император не простит ему ранения поэта.

В дверь постучали. Дантес раздраженно крикнул, чтобы вошли. Человек явно спешил, с него бежала вода. Француз без интереса вырвал записку из руки вошедшего и замер.

– Ты от Пушкина? – по-французски спросил Дантес. Слуга только потом кивнул, а Жорж уже раскрыл местами измятую бумагу и стал вчитываться в неразборчивый почерк:

«Я вас прощаю. У меня раздроблено бедро. Передайте Екатерине, что она тоже помилована».